

Фельдграу отвёл взгляд и не ответил на слова своего заместителя, Кроввирга Арабиана.

Они работали вместе много лет — с тех пор, как Фельдграу Дуофюр в девятнадцать лет получил покровительство Блинецов Диссонанса, стал его апостолом и тем самым сразу поднялся до должности от обычного писаря Инквизиции до верховного инквизитора Шпиневия. Ещё тогда Кроввирг стал его заместителем и, можно сказать, он знал его, как никто другой, ибо видел, как тот вырос из «маленького верховного инквизитора» в нынешнего сдержанного и надёжного руководителя.

Мало кто догадывался, что «Двоестрел огня и льда», которого культисты считали почти богом казни, умел сопереживать их страданиям.

А уж к коллегам он проявлял столько сочувствия, что оно порой переполняло его. Мог ли он прослезиться, просто услышав слова молодого ритуалиста? Что ж...

Это было не так уж сложно представить.

— Хорошо, что здесь нет посторонних, — Кроввирг провёл рукой по лбу. — На людях вам стоит всё же держать образ.

Фельдграу достал платок, вытер слёзы и тихо ответил:

— Разумеется.

Кроввирг продолжил:

— Так каково же ваше мнение?

И, задав вопрос, он вспомнил, что Фельдграу минуту назад сказал, что не подходит для участия в данном обсуждении.

«Он думает, что, раз слова того ритуалиста его так задели, то теперь его мнение может быть предвзятым? Что он не сумеет дать объективную оценку? Но ведь он не его родственник и не близкий друг, чтобы иметь "конфликт интересов"...»

Кроввирг хотел возразить, но, увидев, что Фельдграу молчит, понял: если он сказал, что не будет участвовать в обсуждении, значит, действительно не будет. Тогда заместитель обратил взгляд на последнего присутствующего в комнате, кто ещё не высказался.

— Листчес, — позвал он пожилого лисолюда, — Линь твой подчинённый. Что думаешь?

Тот, в отличие от самодовольного богатея Аллета Вульписа, выглядел куда ниже ростом и более сухощавым. Его мех был сероват, а у корней уже белел. Пробор открывал лоб, на котором пролегали глубокие морщины, а прищуренные глаза почти прятались в складках кожи.

Вместо чёрного инквизиторского пальто он носил короткую куртку того же кроя и свободные штаны. Поверх куртки старый лисолод накинул шесть или семь разных шалей — вязаных, войлочных, с бахромой по краю. Всё это вместе делало его похожим на круглую тёплую кучу меха с торчащими ушами.

Листчес Азари заведовал ритуальным подразделением центрального отделения Инквизиции Шпиневиля. По его фамилии, отличной от фамилии Аллета Вульписа, было понятно, что они, хоть и оба являлись лисолодами, принадлежали к разным видам. Тем не менее они приходились друг другу родственниками, а Листчес служил для Аллета опорой в его высокомерии.

— Линь — очень хороший молодой человек и отличный ритуалист, — улыбнулся Листчес, который не поддавался влиянию своего родича. — Он трудолюбив, а его выпускная работа в прошлом году и мне дала немало идей. Действительно талантлив.

Затем он с лёгким разочарованием продолжил:

— Жаль только, что с момента приёма на работу он всё время занят выездами ради надбавок и не делает больше ничего научного. Вот, например, три недели назад, во время задания, он использовал ритуал «Три строки молчания», который даже не входил в созданный им перечень минимизированных формаций. Так что Линь явно продолжает исследования — просто времени на статьи нет.

— Кхм, — Кроввирг резко сменил тон, — смотреть только на надбавки — плохо, но наличие в ритуальном подразделении человека, готового ездить в командировки, — это, конечно, плюс.

Боевые инквизиторы давно страдали от того, что ритуалисты крайне неохотно шли с ними на задания. Если имелась возможность отказаться, большинство ритуалистов ею пользовалось. Так что, когда наконец-то нашёлся доброволец, недовольство заместителя его «меркантильными» взглядами было одним; а вот то, что готового к полевым работам специалиста уговаривают писать статьи — совсем другим.

— Ритуалиста вырастить непросто, — парировал Листчес, — а в старые годы из моих коллег и подчинённых на выезде возвращался только один из двух. Ты мне их вернёшь?

— ...Инквизиторы дают клятву быть готовыми отдать жизнь за человечество, — нахмурился Кроввирг.

— Тогда иди и попроси у Инеевого Звоноврана новых ритуалистов! — повысил голос Листчес.

— Лично я за то, чтобы мои подчинённые были такими же «трусами», как я!

«Трус» Листчес — так и называли директора ритуального подразделения, и, возможно, именно это помогло ему дожить до семидесяти пяти лет.

Кроввирг лишился аргументов.

На поле боя в ритуалистов целились в первую очередь — и этот факт заставлял Инквизицию во всех городах сокращать их участие в выездных заданиях.

Напряжённая тишина в наблюдательной комнате продлилась, пока Фельдграу наконец не заговорил:

— Линь сам согласует свой распорядок с начальством. Если вы, директор Листчес, считаете, что ему нужно уделять больше времени на исследования и научную работу, то вам стоит обсудить это с ним, — затем верховный инквизитор повернулся к Кроввиргу. — Каждый инквизитор давал клятву служить человечеству, но это не оправдание, чтобы, не думая об их условиях и безопасности, посылать их на передовую. Начальник обязан принимать такие решения взвешенно.

— Понял, — кивнул Листчес, усаживаясь поудобнее. — Я обсужу это с Линем в ближайшее время.

— Прошу прощения, — смущённо проговорил Кроввирг. — Я буду осторожен, верховный инквизитор.

Учить двух старших по возрасту людей в свои двадцать с лишним — занятие не из приятных, и Фельдграу это ощущал. Но раз уж ситуация требовала, он продолжил:

— Так что касательно решения по вопросу, мог ли Линь выдать информацию?

— Это не он, — ответил Листчес. — Да, ему нужны деньги, но он их сможет со временем заработать на обычной работе... с надбавками. Болезнь его брата пока не в критической стадии, требующей немедленных расходов. Даже если бы Линь или его брат были на грани, он уже не тот безродный сирота, что раньше: у него достаточно связей, чтобы занять нужную сумму в экстренной ситуации. У него нет причины рисковать и продавать секреты Инквизиции.

— Я тоже так думаю, верховный инквизитор, — вставил слово секретарь Ловветро.

— Тогда пока оставим его под наблюдением, — сказал Фельдграу, — но если это не Линь, а в Содальвиле так и не выявили предателя... В Шпиневиле о перевозке «Раковины» для запечатывания знали только я, Ловветро, директор Листчес, директор Ясна и директор Гидрий.

Ясна Кале была главой подразделения печатей, а Гидрий Лонгиар — главой подразделения связи.

Вчера вечером, после того как Фельдграу доставил «Раковину» в нужную запечатанную комнату, все они, кто мог выдать информацию, покидали центральное отделение Инквизиции под наблюдением, чтобы исключить возможность, что кто-то из них поможет культу Искращения в захвате артефакта.

Но все пятеро являлись испытанными в боях воинами. Трудно представлялось, чтобы сам верховный инквизитор Фельдграу смог бы найти шанс предать, постоянно находясь под взглядом Близнецов Диссонанса.

— Предателя нужно найти как можно скорее, — верховный инквизитор обвёл взглядом всех присутствующих, и в его бледно-розовых глазах проступил ледяной блеск. — Дева Серебряной Луны уже слишком долго жаждет «Раковину». Ради снисхождения этой богини культ Искращения пойдёт на всё, чтобы завладеть ею. Поскольку Шпиневиль, как место запечатывания в этом году, уже раскрыт, «Раковину» необходимо срочно перевезти. Но если мы не выявим предателя, следующая перевозка тоже не будет безопасной.

— Есть, — ответили ему остальные трое.

Сказать это было просто, но как именно найти предателя, даже Фельдграу пока не представлял.

Все пятеро, включая его самого, уже прошли проверку на ритуале правды. Этот ритуал, принадлежащий Матери Первозданной Крови, отслеживал пульс, сердечный ритм и отчасти активность мозга. Он не выявил никаких аномалий.

Фельдграу не исключал, что ритуал мог ошибаться, но он не верил, что те, кого он знал, являлись закоренелыми лжецами, способными обмануть детектор лжи.

То же касалось и Линя: свои последние слова он произнёс явно искренне.

Совершенно искренний Линь, выйдя из комнаты для допросов, направился в ванную комнату.

В привычном темпе он вышел из кабинки и подошёл к раковине, чтобы помыть руки, а затем

как бы невзначай поднял взгляд на зеркало.

В отражении его повязка на глазах всё ещё была слегка влажной по краям.

«Повезло», — Линь чувствовал удовлетворение.

Проснувшись утром, он использовал своё старое зеркало, чтобы привести свои эмоции в порядок.

С прошлой ночи, когда он понял, что эта сила действует и на него самого, юный бог размышлял, как именно можно её использовать. После тщательных расчётов он пришёл к выводу, что в первую очередь нужно позаботиться о том, чтобы его «божественная сущность» оставалась не раскрыта.

Кроме Кристабель, знать этот секрет мог только он сам. И Линь понимал, насколько у инквизиторов, среди которых он работал, была развита «чуйка». Он находился в гораздо более опасном положении, чем померанка.

К счастью, Шесть Божественных Столпов не давали сил в области гадания и прорицания, а проникательность инквизиторов исходила исключительно из их наблюдательности, а не из сверхъестественных способностей.

Хватало лишь заранее привести чувства в порядок и не давать себе впасть в панику, чтобы справиться с большинством ситуаций.

Как и с ритуалом правды, принцип действия которого он знал.

Линь подготовился к нему «на всякий случай», но он не ожидал, что его приготовления понадобятся уже в первый день.

Считать ли это везением или чем-то другим — он не знал. Но, как бы то ни было, тёмный бог сумел прожить сегодняшний день в окружении инквизиторов.

Линь закрыл кран.

Перед уходом он ещё раз взглянул на своё отражение в зеркале и вдруг осознал одну вещь.

По сравнению с ритуалом правды Матери Первозданной Крови, его собственная способность через зеркало видеть внутренние эмоции человека куда лучше подходила для выявления лжи и поиска предателя.

«Мне попробовать?..»

Вопрос был риторическим. Предатель организовал нападение на поезд, в котором Линь тогда находился. Пусть результатом стало получение им десяти юаней надбавки, но последствия атаки привели к тому, что его впервые вызвали на допрос к внутреннему надзору.

Для его нынешней тайной деятельности наличие поблизости предателя, сотрудничающего с культом, являлось крайне опасным. Такие люди, действуя без оглядки, могли легко обратить подозрения и на самого Линя, у которого действительно имелись свои тайны.

Так что ритуалист считал предателя личным врагом.

А если он сможет его поймать, то доверие к нему в глазах Инквизиции только вырастет.

При таких преимуществах ему оставалось лишь придумать, как именно выследить предателя.

«Для начала...»

Он ещё не проверял, действует ли его способность на других людей.

Кристабель и сам Линь являлись особенными случаями — с остальными могло так не получиться. Среди тех, кто не мог увидеть «Око Зазеркалья», он ещё не находил того, над кем можно было поэкспериментировать.

Размышляя об этом, Линь вышел из ванной комнаты и нос к носу столкнулся с Аллетом.

— Тьфу, — рыжеволосый лисолюд метнул на него косой взгляд. — Тебя так быстро отпустили? Вот бы хотя бы пару суток под замком подержали.

— ... — Линь молча посмотрел на него.

«Отлично, значит ты».

<http://bllate.org/book/12612/1119958>